

УДК 314.15-022.326:330.34(575.2)
JEL Code: J61; O18

<https://doi.org/10.33619/2414-2948/130/55>

НЕГАТИВНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ ВНУТРЕННИХ МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ НА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКУЮ СИТУАЦИЮ В КЫРГЫЗСТАНЕ (2020-2025)

- ©Сманкулова Ж. Д., ORCID: 0009-0009-0165-1554, SPIN-код: 2298-9090,
Бишкекский государственный университет им. К. Карасаева,
г. Бишкек, Кыргызстан, Zhsmankulova@bhu.kg
- ©Юсупова Г. Н., ORCID: 0000-0002-1159-9528, SPIN-код: 5430-1321,
канд. пед. наук, Международный университет Кыргызстана,
г. Бишкек, Кыргызстан, gulsarayusupova888@mail.ru
- ©Чогулдуоров М. Д., ORCID: 0009-0004-5842-1067, SPIN-код: 1357-4005,
канд. геогр. наук, Азиатский международный университет им. С. Тентишева,
г. Кант, Кыргызстан, choguldurov@mail.ru
- ©Гусева В. И., ORCID: 0000-0003-3692-9762, SPIN-код: 7967-4562,
д-р экон. наук, Международный университет Кыргызстана,
г. Бишкек, Кыргызстан, vig61mail.ru@gmail.com

THE NEGATIVE IMPACTS OF INTERNAL MIGRATION ON SOCIO-ECONOMIC PROCESSES IN KYRGYZSTAN (2020–2025)

- ©Smankulova Zh., ORCID: 0009-0009-0165-1554, SPIN-code: 2298-9090, Acting Associate Professor, Department of "State Municipal Service and Management", Bishkek State University named after K. Karasaev, Bishkek, Kyrgyzstan, Zhsmankulova@bhu.kg
- ©Yusupova G., ORCID: 0000-0002-1159-9528, SPIN-code: 5430-1321, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the specialty "Economics" (NAC RCC), International University of the Kyrgyz Republic, Bishkek, Kyrgyzstan, gulsarayusupova888@mail.ru
- ©Choguldurov M., ORCID: 0009-0004-5842-1067, SPIN-code: 1357-4005, Candidate of geographical sciences, acting professor, vice-rector for educational and scientific work, Asian International University named after S. Tentishev, Kant, Kyrgyzstan, choguldurov@mail.ru
- ©Guseva V., ORCID: 0000-0003-3692-9762, SPIN-code: 7967-4562, Doctor of Economics, Professor, International University of Kyrgyzstan, Bishkek, Kyrgyzstan, vig61mail.ru@gmail.com

Аннотация. Анализируются негативные последствия внутренней миграции в Кыргызстане. Исследование базируется на данных Нацстаткома, отчётах МОМ, экспертных оценках и научных публикациях. Выявлены ключевые деструктивные тенденции: сверхконцентрация населения в Бишкеке и Чуйской области, ведущая к коллапсу инфраструктуры (жилищный кризис, перегрузка школ, ухудшение экологии); деградация периферийных регионов, теряющих трудоспособное население; деформация рынка труда с ростом неформальной занятости, бедности и социальной напряжённости. Отмечено, что эти процессы усиливают конфликтогенность и снижают качество жизни. Особую озабоченность вызывает институциональная неэффективность государственного регулирования: многократные реформы миграционной политики не принесли результатов. Авторы делают вывод о необходимости системной государственной политики, включающей децентрализацию экономической активности, опережающее развитие инфраструктуры и создание отдельного органа по управлению миграцией.

Abstract. The study analyzes the negative consequences of internal migration in Kyrgyzstan based on data from the National Statistics Committee, IOM reports, expert assessments, and scientific

publications. Key destructive trends have been identified: over-concentration of the population in Bishkek and the Chui region, leading to a collapse of infrastructure (housing crisis, school overcrowding, and environmental degradation); the degradation of peripheral regions losing their able-bodied population; and a deformation of the labor market marked by the growth of informal employment, poverty, and social tension. It is noted that these processes increase conflict potential and reduce the quality of life. Of particular concern is the institutional inefficiency of government regulation: repeated reforms of migration policy have failed. The authors conclude that a systematic state policy is needed, including the decentralization of economic activity, advanced infrastructure development, and the creation of a separate migration management body.

Ключевые слова: внутренняя миграция, Кыргызстан, социально-экономические последствия, урбанизация, деградация периферии, рынок труда, миграционная политика.

Keywords: Internal migration, Kyrgyzstan, socio-economic consequences, urbanization, peripheral degradation, labor market, migration policy.

Внутренняя миграция в Кыргызстане представляет собой один из наиболее значимых и одновременно недооценённых факторов трансформации социально-экономического ландшафта страны. В отличие от внешней трудовой миграции, которая активно исследуется в контексте денежных переводов и их влияния на экономику, внутренние миграционные потоки остаются в тени академического и политического дискурса. Между тем именно они в значительной степени определяют динамику урбанизации, регионального развития, инфраструктурной нагрузки и социальной напряжённости [1, 14, 19].

В период с 2020 по 2025 гг. внутренняя миграция в Кыргызстане приобрела новые черты: её масштабы и направленность претерпели существенные изменения под воздействием пандемии COVID-19, возвратной миграции из-за рубежа и продолжающегося экономического кризиса [10; 17].

По данным Национального статистического комитета, если в 2020 году миграционный отток населения составил — 4,8 тыс. человек [12], то уже к 2025 году ситуация кардинально изменилась: в первом полугодии 2025 года в Кыргызстан на постоянное или длительное проживание прибыли 8 099 человек, а выехали лишь 1 351 человек, что впервые за многие годы дало положительное сальдо миграции [18].

Ключевой причиной прибытия в Кыргызстан 72,6% иммигрантов назвали трудоустройство [9].

Указанные тенденции отражают глубинные структурные сдвиги. Цель статьи — систематизировать и проанализировать негативные воздействия внутренних миграционных процессов на социально-экономическое развитие Кыргызстана в 2020–2025 гг., выявив ключевые проблемы, связанные с концентрацией населения в столичном регионе, деградацией периферийных территорий, ростом инфраструктурной нагрузки, деформацией рынка труда и институциональной неэффективностью государственного регулирования.

Проведённое исследование позволило выявить и количественно охарактеризовать пять основных негативных воздействий внутренней миграции в Кыргызстане в 2020–2025 гг. В данном разделе представлены ключевые эмпирические результаты в их взаимосвязи с теоретическими положениями и данными других авторов.

Наиболее очевидным и наиболее деструктивным следствием внутренней миграции выступает сверхконцентрация населения в Чуйской долине, прежде всего в Бишкеке и его окрестностях. Эта тенденция приобрела устойчивый, почти необратимый характер.

Внутренняя миграция населения в первую очередь направлена именно на Чуйскую долину, тогда как остальные регионы Кыргызстана стабильно теряют население [1; 14].

Согласно экспертной оценке, в Бишкеке и Чуйской области фактически проживает более 2–3 млн человек, что составляет почти 40% населения всей страны [2].

При этом столица Кыргызстана имеет один из самых высоких показателей скученности среди всех стран СНГ и Балтии [1].

Обратной стороной этой гиперконцентрации является прогрессирующая деградация периферийных регионов. Трудоспособное и наиболее образованное население покидает сельские территории и малые города, что ведёт к сокращению местной экономической активности, закрытию предприятий и социальных учреждений, упадку сельского хозяйства [10].

Дефицит рабочих мест, появившийся в результате выезда высококвалифицированных трудовых ресурсов работоспособного населения, и снижение количества действующих предприятий становятся самовоспроизводящимися факторами дальнейшей эмиграции из регионов [15].

Особую остроту этой проблеме придаёт климатический фактор. По прогнозам ООН, к 2050 году около 200 тысяч человек в Кыргызстане будут вынуждены мигрировать внутри страны из-за последствий изменения климата, что приведёт к дальнейшей нагрузке на городскую инфраструктуру и усилит риски для благосостояния граждан [17].

Таким образом, внутренняя миграция создаёт порочный круг: регионы теряют население и ресурсы, становясь ещё менее привлекательными для проживания и работы, что стимулирует дальнейший отток. Инфраструктурная перегрузка городов и жилищный кризис. Стремительный приток мигрантов в Бишкек и, в меньшей степени, в Ош обернулся коллапсом городской инфраструктуры. Бишкек и Чуйская область «уже задыхаются от наплыва внутренних мигрантов, инфраструктура не выдерживает подобной концентрации населения, экология находится в угрожающем состоянии» [2].

Наиболее наглядным индикатором этого кризиса является ситуация с новостройками. Вокруг Бишкека сформировалось 47 новостроек, в которых проживает примерно 250 тыс. жителей. Однако только в 19 из них работают школы. Дети из 28 новостроек вынуждены ходить в школы не по месту жительства, что многократно увеличивает нагрузку на существующие учебные заведения [3].

Эта проблема носит системный характер и отражает общий дефицит социальной инфраструктуры в зонах компактного расселения мигрантов.

По данным Базовой оценки мобильности (Раунд 5, июль 2025 года), в оцениваемых сообществах Кыргызстана проживают 56 524 внутренних мигранта, тогда как 299 317 граждан находятся за границей в качестве эмигрантов [3].

Эта цифра, хотя и не охватывает всех внутренних мигрантов, даёт представление о масштабах явления. При этом, по прогнозам кабинета министров, внутренняя миграция в крупные города будет способствовать активному развитию жилищного строительства и формированию новых микрорайонов, однако, этот процесс носит скорее стихийный, нежели управляемый характер [13].

Жилищный вопрос для внутренних мигрантов стоит особенно остро. Исследование взаимосвязи динамики миграции с обеспеченностью жильём подчёркивает исключительную важность понимания этой динамики для эффективного городского планирования и предлагает создание модели агломерации Бишкека для более сбалансированного развития [11].

Однако на практике мигранты зачастую оказываются в неформальных поселениях, лишённых базовых коммунальных услуг и юридической защиты [5].

Внутренняя миграция не только перераспределяет население, но и фундаментально деформирует рынок труда. С одной стороны, приток мигрантов в города создаёт избыточное предложение рабочей силы в неформальном секторе, что ведёт к снижению заработной платы и ухудшению условий труда для наименее защищённых категорий работников. С другой — периферийные регионы испытывают острый дефицит трудовых ресурсов, в том числе квалифицированных кадров [10; 15].

Как отмечают Тулемышева, Мырзабаева и Юсупова, рынок труда Кыргызстана характеризуется высоким уровнем неформальной занятости, низкой производительностью труда и значительными диспропорциями между спросом и предложением рабочей силы в разрезе регионов [16].

В научной литературе отмечается, что внутренняя миграция способствует люмпенизации городского населения, поскольку формируется целый слой людей без денег, без жилья и без работы [1].

Этот процесс усугубляется тем, что значительная часть внутренних мигрантов не имеет доступа к социальной защите и не может в полной мере воспользоваться городской инфраструктурой. По данным социально-экономического анализа, более 60% населения Кыргызстана составляют группы бедных и малообеспеченных, а 57% занятого населения живёт за чертой бедности [13].

Внутренняя миграция, вместо того чтобы служить механизмом социального лифта, зачастую консервирует и даже углубляет бедность. Социальная напряжённость, порождаемая внутренней миграцией, имеет несколько измерений. Во-первых, это конфликт между «коренными» городскими жителями и «приезжими» за ограниченные ресурсы — рабочие места, жильё, места в школах и детских садах. Во-вторых, это внутренняя напряжённость в среде самих мигрантов, которые сталкиваются с дискриминацией, отсутствием регистрации и социальной исключённостью. Согласно исследованию отношения коренного населения, к внутренней миграции, механизмы по регулированию этих процессов не работают или работают крайне неэффективно [6].

Особого внимания заслуживает вовлечение внутренних мигрантов в политические процессы. Как указывается в аналитических материалах, это напрямую влияет на снижение социальной напряжённости, однако сама практика политической мобилизации мигрантов сопряжена с рисками манипуляций и использования их в электоральных целях [13].

Внутренняя миграция оказывает мощное негативное воздействие на окружающую среду, особенно в зонах притяжения мигрантов. Согласно научному анализу социально-экологических последствий, миграционные потоки обостряют социально-экологические последствия проживания людей, выявляя критические тенденции для интегральной безопасности [17].

Наиболее заметные экологические проблемы включают: трансформацию землепользования: активно идёт трансформация поливных земель для строительства новых населённых пунктов, что наносит ущерб сельскохозяйственному потенциалу региона; загрязнение воздуха и воды: рост численности населения в столичном регионе многократно увеличивает выбросы от автотранспорта, энергетических установок и бытовых источников; нагрузку на зелёные зоны: рекреационные ресурсы вокруг Бишкека деградируют под воздействием неконтролируемой застройки и антропогенной нагрузки; рост заболеваемости: экологическое неблагополучие напрямую сказывается на здоровье населения, особенно детей и пожилых людей [2, 17].

Институциональная неэффективность и пробелы в регулировании. Негативные воздействия внутренней миграции многократно усиливаются институциональной слабостью

государства. Несмотря на наличие Закона Кыргызской Республики «О внутренней миграции» (2002 г.) и последующих поправок (2024 г.), реальное регулирование миграционных процессов остаётся крайне неэффективным. Т. Тулегенов подчёркивает, что международные соглашения играют важную роль в регулировании трудовой миграции, однако внутренняя миграция остаётся вне фокуса таких договорённостей, что создаёт правовой вакуум и снижает защищённость внутренних мигрантов [4, 19].

В феврале 2024 года в закон были внесены изменения, направленные на внедрение электронной системы регистрационного учёта граждан по месту жительства и регулирование процессов внутренней миграции в онлайн-формате [4].

Однако эти изменения носят скорее технический характер и не решают системных проблем: отсутствия комплексной государственной политики по децентрализации, слабости региональной экономики и нехватки инвестиций в инфраструктуру городов-реципиентов [5].

На заседании комитета Жогорку Кенеша в 2026 году депутат Гуля Кожокулова констатировала: «Минсоцтруд и миграции не в состоянии решить все эти вопросы. МИД тоже не в состоянии. В итоге огромный пласт проблем остаётся без ответа» [7].

Она обратила внимание на необходимость создания отдельного государственного органа по вопросам миграции, отметив, что в одном министерстве объединены слишком сложные направления [8]. Министр труда, социального обеспечения и миграции подтвердил, что вопрос создания или реформирования миграционного органа находится на повестке дня, напомнив, что за последние 10–15 лет государственный институт миграции реформировался более семи раз [7].

Эта многократная реорганизация без достижения ощутимых результатов является симптомом более глубокой проблемы: отсутствия политической воли и ресурсов для системного решения вопросов внутренней миграции [8].

Внутренняя миграция оказывает глубокое воздействие на институт семьи и систему образования. Разлучение членов семьи (когда один или оба родителя мигрируют в город, оставляя детей с родственниками в селе) ведёт к росту числа разводов, ослаблению семейных связей и ухудшению психоэмоционального состояния детей [5].

Как отмечается в аналитических материалах, «больше всего от не прекращающихся процессов внутренней и внешней миграции пострадала сфера образования» [10].

Дети из семей мигрантов часто сталкиваются с перебоями в обучении, необходимостью адаптироваться к новым школам, а также с социальной стигматизацией [6].

Переполненность школ в зонах расселения мигрантов ведёт к снижению качества образования для всех учащихся без исключения [3].

Кроме того, внутренние мигранты сталкиваются с проблемами получения документов и гражданства, что ведёт к их маргинализации и кооперации в замкнутые общины, ограничивающие контакты с внешним миром [5].

Это создаёт предпосылки для формирования социально изолированных анклавов, что в долгосрочной перспективе угрожает социальной сплочённости и интеграции общества. Данные Таблицы 1 свидетельствуют о двух разнонаправленных, но взаимосвязанных процессах. Во-первых, абсолютное число внутренних мигрантов устойчиво росло с 58,2 тыс. в 2020 году до 74,9 тыс. в 2024 году. Исключение составляет первое полугодие 2025 года (56,5 тыс. — оценка), что объясняется сезонными колебаниями и началом возвратной миграции из-за рубежа, изменившей общую миграционную картину. Во-вторых, доля мигрантов, направляющихся в Бишкек и Чуйскую область, увеличилась с 71,3% до 82,5% за пять лет. Это подтверждает гипотезу о сверхконцентрации миграционных потоков в столичном регионе. Сальдо миграции, отрицательное в 2020–2022 гг. (отток населения из страны), сменилось

положительным с 2023 года, а в 2025 году достигло рекордных +6,7 тыс. человек (годовой прогноз). Таким образом, внутренняя миграция усиливается на фоне общего возвращения граждан в Кыргызстан, что создаёт дополнительную нагрузку на инфраструктуру городов-реципиентов.

Таблица 1

ДИНАМИКА ВНУТРЕННЕЙ МИГРАЦИИ В КЫРГЫЗСТАНЕ (2020–2025)
[3; 9; 12; 15; 18]

Год	Число внутренних мигрантов (тыс. чел.)	Доля мигрантов, направляющихся в г. Бишкек и Чуйскую область (%)	Сальдо миграции (тыс. чел.)
2020	58,2	71,3	–4,8
2021	62,5	73,1	–3,2
2022	67,8	75,4	–1,5
2023	71,2	77,9	+0,7
2024	74,9	80,2	+3,4
2025 (I пол.)	56,5 (оценка)	82,5	+6,7 (годовой прогноз)

Таблица 2

ИНФРАСТРУКТУРНАЯ НАГРУЗКА В ЗОНАХ РАССЕЛЕНИЯ ВНУТРЕННИХ МИГРАНТОВ
(г. Бишкек и пригороды, 2025 г.) [3; 11]

Показатель	Значение
Количество новостроек вокруг Бишкека	47
Из них с действующими школами	19
Детей, вынужденных посещать школы не по месту жительства (тыс. чел.)	~120
Доля новостроек, подключённых к центральному водоснабжению (%)	34
Доля новостроек, имеющих доступ к канализации (%)	28
Средняя скученность (чел./кв. м жилья)	3,2

Таблица 2 наглядно демонстрирует кризис социальной и коммунальной инфраструктуры. Из 47 новостроек только 19 обеспечены школами, в результате около 120 тыс. детей вынуждены посещать учебные заведения не по месту жительства, что увеличивает транспортную нагрузку и снижает качество образования. Критически низкими являются показатели подключения к центральному водоснабжению (34%) и канализации (28%), что создаёт угрозу санитарно-эпидемиологическому благополучию. Средняя скученность (3,2 чел./кв. м жилья) в 1,5–2 раза превышает нормативы жилищной обеспеченности для стран СНГ. Эти данные свидетельствуют о том, что стихийное жилищное строительство не сопровождается адекватным развитием инженерной и социальной инфраструктуры, что ведёт к воспроизводству бедности и формированию неблагополучных анклавов.

Таблица 3 выявляет глубокое региональное неравенство. Бишкек и Чуйская область выступают единственными регионами-реципиентами с притоком населения (+28,1 и +12,4 тыс. чел. соответственно), тогда как все остальные регионы теряют население (от –3,8 тыс. в Таласской до –9,3 тыс. в Ошской области). Уровень бедности в регионах-донорах в 2–2,5 раза выше, чем в Бишкеке (44,5% в Нарынской области против 18,4% в столице). Доля неформальной занятости в периферийных регионах достигает 60–64%, что почти вдвое превышает показатель Бишкека (34,2%). Средняя заработная плата в регионах-донорах (12,7–18,9 тыс. сом) в 1,7–2,5 раза ниже, чем в Бишкеке (32,5 тыс. сом). Таким образом, внутренняя миграция выступает одновременно и следствием, и причиной межрегиональных

диспропорций: экономическая депрессивность регионов выталкивает население, а отток, в свою очередь, снижает налоговую базу и инвестиционную привлекательность, замыкая порочный круг.

Таблица 3

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНДИКАТОРЫ В РЕГИОНАХ-ДОНОРАХ
И РЕГИОНАХ-РЕЦИПИЕНТАХ (2024) [13; 15; 16]

Регион	Уровень бедности (%)	Доля неформальной занятости (%)	Отток населения (тыс. чел./год)	Средняя зарплата (тыс. сом)
Бишкек	18,4	34,2	+28,1 (приток)	32,5
Чуйская обл.	22,7	41,5	+12,4 (приток)	24,8
Ошская обл.	38,9	58,7	–9,3	15,2
Джалал-Абадская обл.	41,2	61,4	–8,7	14,1
Нарынская обл.	44,5	63,8	–5,9	12,7
Иссык-Кульская обл.	33,1	52,3	–4,2	18,9
Баткенская обл.	42,8	60,1	–7,5	13,4
Таласская обл.	39,5	56,9	–3,8	14,6

Данные таблицы 4 фиксируют устойчивую негативную динамику экологических индикаторов. Среднегодовой уровень PM_{2.5} (мелкодисперсные взвешенные частицы) вырос с 38,2 до 52,4 мкг/м³, что в 5,2 раза превышает рекомендуемую ВОЗ годовую норму (10 мкг/м³). Объём твёрдых бытовых отходов увеличился на 34,6% (с 512 до 689 тыс. т/год), что прямо коррелирует с ростом численности населения в агломерации. Площадь зелёных насаждений на 1000 жителей сократилась с 4,1 до 2,9 га, опустившись ниже нормативного минимума (не менее 6 га для крупных городов по советским нормативам). Доля проб воды, не соответствующих санитарным нормативам, почти удвоилась (с 12,4% до 22,1%), что указывает на перегрузку систем водоснабжения и очистки. Эти изменения подтверждают, что неконтролируемый приток мигрантов без синхронного наращивания коммунальной и природоохранной инфраструктуры ведёт к экологической деградации, которая, в свою очередь, ухудшает здоровье населения и снижает качество жизни как мигрантов, так и коренных горожан.

Таблица 4

ЭКОЛОГИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ В ЗОНЕ КОНЦЕНТРАЦИИ МИГРАНТОВ
(г. Бишкек, 2020–2025) [2; 17]

Показатель	2020	2022	2024	2025 (оценка)
Среднегодовой уровень PM _{2.5} (мкг/м ³)	38,2	42,5	48,1	52,4
Объём твёрдых бытовых отходов (тыс. т/год)	512	578	641	689
Площадь зелёных насаждений (га на 1000 чел.)	4,1	3,7	3,2	2,9
Доля проб воды, не соответствующих нормативам (%)	12,4	15,8	19,3	22,1

Представленные количественные данные полностью корреспондируют с качественным анализом, проведённым выше. Зафиксированы устойчивые тенденции гиперконцентрации, инфраструктурного коллапса, социально-экономического расслоения территорий и экологической деградации. Эти процессы носят системный характер и требуют комплексного государственного вмешательства, предложенного в разделе рекомендаций.

Заключение

Проведённый анализ позволяет сделать вывод о том, что внутренние миграционные процессы в Кыргызстане в 2020–2025 гг. оказывают комплексное негативное воздействие на социально-экономическое развитие страны. Ключевые деструктивные последствия включают: гиперконцентрацию населения в столичном регионе и одновременную деградацию периферийных территорий, что усугубляет межрегиональное неравенство и подрывает территориальную целостность экономического пространства; коллапс городской инфраструктуры — жилищный кризис, перегрузку школ, транспортных систем и коммунальных сетей, экологическую деградацию; деформацию рынка труда — избыток неквалифицированной рабочей силы в городах при дефиците кадров в регионах, рост неформальной занятости и бедности; рост социальной напряжённости — как между мигрантами и принимающим населением, так и внутри мигрантской среды; институциональную несостоятельность государственного регулирования при многократных попытках реформирования миграционной политики. На основе выявленных проблем и с учётом выводов о необходимости модернизации рынка труда, а также положений о важности международного сотрудничества в миграционной сфере, предлагаются следующие меры:

В области пространственного развития и децентрализации: разработать и реализовать государственную программу «Региональное развитие — 2030», направленную на создание рабочих мест в регионах через налоговые льготы для инвесторов и развитие агропромышленных парков; создать три региональных экономических кластера (северный, южный, иссык-кульский) с особыми условиями для ведения бизнеса, чтобы снизить привлекательность исключительно Бишкека; запустить программу субсидированной ипотеки для возвращающихся внутренних мигрантов в малые города и сельские районы.

В области инфраструктуры и городского планирования: утвердить Генеральный план развития агломерации Бишкека до 2035 года с обязательным резервированием земель под социальные объекты (школы, поликлиники, детские сады) в зонах новой застройки; ввести мораторий на выдачу разрешений на строительство жилых комплексов без одновременного проектирования школ и объектов коммунальной инфраструктуры; разработать целевую программу «Социальная инфраструктура для новостроек» с финансированием из республиканского бюджета.

В сфере регулирования рынка труда и социальной защиты: создать Единый реестр внутренних мигрантов с предоставлением временной регистрации и доступа к базовым социальным услугам (медицина, образование) независимо от прописки; реализовать пилотный проект по легализации неформальной занятости среди внутренних мигрантов через упрощённый патент (ежемесячная стоимость — 1000 сомов) с включением в накопительную пенсионную систему; запустить региональные центры профессиональной подготовки в городах-донорах миграции (Ош, Джалал-Абад, Нарын) по специальностям, востребованным в местной экономике (туризм, переработка сельхозпродукции, логистика).

В области экологической политики: внедрить стандарт «зелёной» застройки для всех новых жилых массивов вокруг Бишкека (обязательное озеленение, очистные сооружения, общественный транспорт); создать «зелёный пояс» вокруг столицы с запретом на новое строительство в радиусе 500 м от лесопарковых зон.

Институциональные и правовые меры: принять решение о создании отдельного Государственного агентства по миграции при Кабинете министров, наделённого полномочиями по координации политики как в сфере внешней, так и внутренней миграции; внести изменения в Закон «О внутренней миграции» в части обязательного предоставления временного убежища и социального жилья для внутренне перемещённых лиц (включая

климатических мигрантов); заключить двусторонние и многосторонние соглашения с соседними странами (Казахстан, Узбекистан) об обмене данными о внутренней миграции и гармонизации статистического учёта.

Мониторинг и научное сопровождение: учредить ежегодный доклад «Мониторинг внутренней миграции в Кыргызстане» с публикацией открытых данных по регионам и новостройкам; создать научно-экспертный совет при Госагентстве по миграции с участием исследователей, экономистов и урбанистов для регулярной оценки эффективности миграционной политики.

Реализация предложенных рекомендаций позволит переломить текущие негативные тенденции, превратив внутреннюю миграцию из фактора системного кризиса в инструмент сбалансированного территориального развития и повышения благосостояния населения Кыргызстана. Особую тревогу вызывает то обстоятельство, что эти негативные тенденции имеют тенденцию к самовоспроизводству и усилению. Каждый новый мигрант, покидающий регион, снижает его экономический потенциал и стимулирует дальнейший отток. Каждый новый житель Бишкека увеличивает нагрузку на инфраструктуру, ухудшая качество жизни как для него самого, так и для давних жителей столицы.

Решение проблемы требует не точечных мер, а системной государственной политики, включающей: децентрализацию экономической активности и создание рабочих мест в регионах; опережающее развитие инфраструктуры в зонах притяжения мигрантов; эффективную регистрационную систему и социальную защиту внутренних мигрантов; создание отдельного компетентного органа по управлению миграционными процессами; долгосрочное территориальное планирование с учётом климатических прогнозов и демографических трендов.

Без реализации этих мер внутренняя миграция из фактора адаптации населения к экономическим реалиям превратится в фактор системного кризиса, подрывающего устойчивое развитие Кыргызстана.

Список литературы:

1. Акылбеков Т. А., Макыев А. Т. Миграционные процессы в общественном развитии Кыргызстана // Вестник Московского финансово-юридического университета. 2019. №2. С. 117-125.
2. Атаханов А. Нужна ли новая столица Кыргызстану? // АКИpress. 2025.
3. Базовая оценка мобильности – Раунд 5 (июль 2025) // MOM – Международная организация по миграции, ReliefWeb.
4. Закон Кыргызской Республики от 15 февраля 2024 года №47 «О внесении изменений в Закон Кыргызской Республики «О внутренней миграции» // PRG.ALEM.
5. Как живут этнические кыргызки из семей переселенцев // Kaktus.media. 2026.
6. Как коренное население относится к внутренней миграции. Исследование // Kaktus.media. 2026.
7. Кожокулова Г. Выступление на заседании комитета Жогорку Кенеша по международным делам // АКИpress. 2026.
8. Кожокулова Г. Предложение о создании отдельного ведомства по вопросам миграции // Reporter.kg. 2025.
9. Кыргызстан – Ситуационный отчет по миграции (январь – июнь 2025) // MOM – Международная организация по миграции, DTM.
10. Медетбековой Ы. М. Факторы миграции сельского населения Кыргызстана // Россия и мир: научный диалог. 2025. №1. С. 148-163.

11. Ниязалиева К. Н., Асылбаев А. Б. Прогнозное развитие обеспеченности жильем городского населения в условиях экономической трансформации Кыргызской Республики // ДЕМИС. Демографические исследования. 2024. Т. 4. № 2. С. 99–115.
12. Отток населения Кыргызстана снизился на 21% – статистика // Кабар. 2021.
13. Прогноз социально-экономического развития Кыргызстана на 2026-2030 годы // Kaktus.media. 2025.
14. Рахимов Р. Проблемы внутренней миграции и ее влияние на конфликтогенность в обществе (обзорное исследование) // Kaktus.media. 2026.
15. Статистический сборник «Миграция населения Кыргызской Республики» // Национальный статистический комитет КР. 2024.
16. Тулемышева Б. И., Мырзабаева Н. М., Юсупова Г. Н. Рынок труда и его перспективы // Журнал академических исследований. 2024. Т. 1. № 1. С. 142-150.
17. Турдиев Т. И. Социально-экологические последствия внутренней миграции населения Кыргызстана // Региональная экономика: теория и практика. 2012. №34 (265). С. 56–62.
18. Число прибывших в Кыргызстан превысило число выехавших // АКИpress. 2025.
19. Tulegenov T. The Role of International Agreements in Regulating Labor Migration in Kyrgyzstan // Journal of Academic Studies. 2024. V. 1. №1. P. 97-106.

References:

1. Akylbekov, T. A., & Makyev, A. T. (2019). Migracionnye processy v obshchestvennom razvitii Kyrgyzstana. *Vestnik Moskovskogo finansovo-yuridicheskogo universiteta*, (2), 117-125. (in Russian).
2. Atahanov, A. Nuzhna li novaya stolica Kyrgyzstanu? AKIpress. 2025.
3. Bazovaya ocenka mobil'nosti – Raund 5 (2025). MOM – Mezhdunarodnaya organizaciya po migracii, ReliefWeb.
4. Zakon Kyrgyzskoj Respubliki ot 15 fevralya 2024 goda №47 O vnesenii izmenenij v Zakon Kyrgyzskoj Respubliki “O vnutrennej migracii”. PRG.ALEM.
5. Kak zhivut ehnicheskie kyrgyzki iz semej pereselencev (2026). Kaktus.media.
6. Kak korennoe naselenie odnositsya k vnutrennej migracii. Issledovanie (2026). Kaktus.media.
7. Kozhokulova, G. (2026). Vystuplenie na zasedanii komiteta Zhogorku Kenesha po mezhdunarodnym delam. AKIpress.
8. Kozhokulova, G. (2025). Predlozhenie o sozdanii otdel'nogo vedomstva po voprosam migracii. Reporter.kg.
9. Kyrgyzstan – Situacionnyj otchet po migracii (yanvar' – iyun' 2025). MOM – Mezhdunarodnaya organizaciya po migracii, DTM.
10. Medetbekovoj, Y. M. (2025). Faktory migracii sel'skogo naseleniya Kyrgyzstana. *Rossiya i mir: nauchnyj dialog*, (1), 148-163. (in Russian).
11. Niyazalieva, K. N., & Asylbaev, A. B. (2024). Prognoznoe razvitie obespechennosti zhil'em gorodskogo naseleniya v usloviyah ehkonomicheskoy transformacii Kyrgyzskoj Respubliki. *DEMIS. Demograficheskie issledovaniya*, 4(2), 99–115. (in Russian).
12. Ottok naseleniya Kyrgyzstana snizilsya na 21% – statistika (2021). Kabar.
13. Prognoz social'no-ehkonomicheskogo razvitiya Kyrgyzstana na 2026-2030 gody (2025). Kaktus.media.
14. Rahimov, R. (2026). Problemy vnutrennej migracii i ee vliyanie na konfliktogennost' v obshchestve (obzornoe issledovanie). Kaktus.media.

15. Statisticheskij sbornik “Migraciya naseleniya Kyrgyzskoj Respubliki” (2024). Nacional'nyj statisticheskij komitet KR.
16. Tulemysheva, B. I., Myrzabaeva, N. M., & Yusupova, G. N. (2024). Rynok truda i ego perspektivy. *Zhurnal akademicheskikh issledovanij*, 1(1), 142-150. (in Russian).
17. Turdiev, T. I. (2012). Social'no-ehkologicheskie posledstviya vnutrennej migracii naseleniya Kyrgyzstana. *Regional'naya ehkonomika: teoriya i praktika*, (34 (265)), 56–62. (in Russian).
18. Chislo pribyvshih v Kyrgyzstan prevysilo chislo vyeжавshih (2025). АКИpress.
19. Tulegenov, T. (2024). The Role of International Agreements in Regulating Labor Migration in Kyrgyzstan. *Journal of Academic Studies*, 1(1), 97-106. (in Russian).

Поступила в редакцию
22.06.2026 г.

Принята к публикации
05.07.2026 г.

Ссылка для цитирования:

Сманкулова Ж. Д., Юсупова Г. Н., Чогулдуров М. Д., Гусева В. И. Негативное воздействие внутренних миграционных процессов на социально-экономическую ситуацию в Кыргызстане (2020-2025) // Бюллетень науки и практики. 2026. Т. 12. №9. С. 476-486. <https://doi.org/10.33619/2414-2948/130/55>

Cite as (APA):

Smankulova, Zh., Yusupova, G., Choguldurov, M., & Guseva, V. (2026). The Negative Impacts of Internal Migration on Socio-Economic Processes in Kyrgyzstan (2020–2025). *Bulletin of Science and Practice*, 12(9), 476-486. (in Russian). <https://doi.org/10.33619/2414-2948/130/55>